

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.2.12>

В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1969.

8 мая 1970 года в Институте языкознания Академии наук СССР научный сотрудник Удмуртского научно-исследовательского института В. К. Кельмаков успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка». Официальными оппонентами выступили И. С. Галкин и И. В. Тараканов.

Диссертация В. К. Кельмакова представляет собой монографическое исследование по одному из удмуртских диалектов объемом 475 машинописных страниц основного текста. К исследованию приложены 25 образцов речи кукморских удмуртов с переводом на русский язык: три довольно больших сказки и ценные сведения по истории отдельных селений, обрядам и обычаям. Материалы фольклорного, исторического и этнографического характера (88 стр.) отражают современный и древний быт удмуртов Кукморского района Татарской АССР, их историю и культуру. На 64 страницах дан словарь диалектных слов, который охватывает свыше 1200 специфических лексем и включает в себя: а) отсутствующие в удмуртском литературном языке; б) имеющие существенное фонетическое отличие от соответствующих слов литературного языка; в) употребительные в ином значении, чем в литературном языке; г) сохраняющиеся лишь в топонимии. Словарь пополнен некоторыми фразеологизмами, пословицами, поговорками и другими меткими выражениями, составляющими около 70 единиц. Текст снабжен пятью аккуратно выполненными схематическими картами. Кроме того, в работе много таблиц и схем, изображающих то или иное явление кукморского диалекта в сравнении с другими диалектами и языками.

Исследование В. К. Кельмакова выполнено под руководством В. И. Лыткина. Оно состоит из следующих частей: Введение, Фонетика, Морфология, Заключение. Список использованной литературы включает около 280 названий.

Во Введении диссертант подробно останавливается на истории формирования

кукморских говоров (лельвижский, книнский, юмьинский, учинский), распространенных в 27 населенных пунктах Кукморского и в трех — Мамадышского районов Татарской АССР по течению рек Ошторма, Шня, Ошланка, Кня, и устанавливает точные границы их распространения.

Кукморский диалект монографически до сих пор никем не изучался; лишь отдельные характерные признаки его нашли отражение в работах Ф. И. Видемана, Т. Г. Аминофа, Ю. Вихмана, Б. Мункачи, С. П. Кузнецова, Б. Г. Гаврилова, И. С. Михеева, очень умело и со знанием дела использованных В. К. Кельмаковым при анализе диалектного материала.

Систематическое изучение удмуртских диалектов до настоящего времени не проводится, поэтому тема диссертации В. К. Кельмакова весьма актуальна.

Нужно отметить, что работа В. К. Кельмакова — третье специальное исследование по удмуртской диалектологии. В ней дано полное (на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях) описание диалекта с привлечением огромного сравнительно-исторического материала родственных и неродственных (поволжских) языков, с которыми кукморские говоры длительное время контактировали.

Фонетическая система кукморского диалекта включает девять гласных: *a, e, i, o, o', u, u', ɐ, ä*. В отличие от литературного языка вокализм диалекта характеризуется наличием особых гласных *i', o', ɐ, ä*, причем первые две фонемы сохраняются как реликты древнепермского языка-основы; звук *ɐ* употребляется на месте литературного *ы*, переднерядный *ä* появился под влиянием соседних татарских говоров.

При описании гласных фонемы кукморского диалекта сопоставляются с фонемами татарского, русского и удмуртского литературного языков. Автор подробно рассматривает субституцию соответствующих звуков других языков кукморскими говорами. Так, посредством *e* в диалекте замещается гласный *i* в тюркских заим-

ствованиях: *esep* < тат. *исәп* 'намерение, предположение' и т. п. (стр. 72), причем подчеркивается, что в истории татарского языка произошло сужение исконных широких гласных $\ddot{a} \sim e > i, o > u, \ddot{o} > \ddot{u}$. Более древние удмуртские заимствования с гласным *e* в кукморском диалекте отражают, по мнению диссертанта, более раннее состояние татарского вокализма. Аналогичные примеры многочисленны. Примеры субституции татарских звуков кукморскими говорами послужат материалом при дальнейшем изучении татаризмов в удмуртском языке.

В разделе о фонетических явлениях в области вокализма существенным представляется подробный анализ чередования $u \sim \ddot{u}$. В некоторых предыдущих исследованиях указывалось, что в юго-западном наречии этимологическое *u* односложных слов последовательно перешло в $\ddot{u}$. Диссертант выявил условия и причины этого перехода и установил, что в кукморском диалекте в абсолютном исходе односложного слова и перед гласным *o* употребляется *u* (за исключением лельвижского говора), перед гласными переднего ряда *i* и *e* — $\ddot{u}$. И. В. Тараканов вслед за Ю. Вихманом объясняет, что этот звукопереход произошел под влиянием последующих узких гласных в производных образованиях, а затем обобщился и в односложных образованиях. Не имея в то время в своем распоряжении новых данных по диалектам пермских языков, Ю. Вихман не мог определить качество гласного первого слога на месте современного *ш* (у Кельмакова $\ddot{u}$), поэтому в своих предположениях ошибался. Теперь же, когда известны данные по языку бесермян и некоторым другим диалектам пермских языков, можно ясно представить себе соответствия звука *ш*: юго-западное *ш* двоякого происхождения. Оно употребляется на месте общепермских * $\ddot{o}$ или * $\ddot{u}$ (т. е. на месте гласных переднего ряда), которым и в других финно-угорских языках соответствуют в одном случае гласные заднего ряда, в другом — гласные переднего ряда.¹

¹ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 233.

Интересно также междиалектное корреспондирование гласных $\ddot{o} \sim u$, описанное В. К. Кельмаковым. В юго-западных говорах произошла замена исконного *u* в корне некоторых слов гласным $\ddot{o}$: *šedono* (лит. *шудыны*) 'играть' *rono* (лит. *руны*) 'собака', *šores* (лит. *сюрес*) 'дорога'. Из-за отсутствия материалов по другим удмуртским диалектам автору трудно было объяснить возникновение этого явления. Материалы бесермянского диалекта дают возможность проследить последовательное замещение древнего *u* гласным $\ddot{o}$. Последний регулярно употребляется на месте общепермского закрытого переднего * $\ddot{o}$; гласный *u* бесермянского диалекта замещает общепермское закрытое заднего * $\ddot{o}$.²

В. К. Кельмаковым проведено довольно подробное исследование ударения в диалекте, которое имеет ряд своеобразий. Лишь в диалектах кукморских и причепецких удмуртов глаголы будущего и прошедшего времени, как и в горно-марийском, имеют ударение на предпоследнем слоге. И. С. Галкин допускает, что своеобразное ударение кукморского диалекта могло возникнуть под влиянием тюркских языков болгарского типа, с чем диссертант полностью не согласился. На наш взгляд, вполне приемлемо мнение В. К. Кельмакова о древности типа удмуртского ударения. Однако дальнейшие изыскания должны внести ясность в этот вопрос.

Рассматривая консонантизм, автор сообщает новое для удмуртского языкознания о вокализации согласного *l*. Переход $l > \ddot{u}$ известен и некоторым другим удмуртским диалектам, например, промежуточным между северноудмуртскими и южноудмуртскими наречиями говорам. Явление $l > \ddot{u}$ в кукморском диалекте В. К. Кельмаков представляет как инновацию (стр. 140—145). Тенденцию вокализации в разных диалектах пермских языков диссертант квалифицирует как результат параллельного развития диалектов. Весьма ценно изучение таких характерных для кукморского диалекта явлений, как оглушение общепермских звонких в абсо-

² Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970, стр. 166—167.

лютом конце слова и слога перед последующим глухим согласным, озвончение этимологических глухих в интервокальном положении, ассимиляционные явления в сочетаниях с *j*, изменение смычных согласных в определенных сочетаниях в особый гортанный смычный звук (например, *kə'natə < kəknatə* 'мы вдвоем') и др. В. К. Кельмаков совершенно по-новому разрешает проблему фонетического изменения *j > d* в юго-западном наречии. Некоторые ученые (И. В. Тараканов и др.) считают, что деканье в удмуртском языке появилось спонтанным путем, без постороннего влияния, благодаря артикуляционной близости *j* и *d'*. Диссертант придерживается мнения, что возникновение деканья объясняется влиянием тюркских языков (Т. Г. Аминофф, Т. Э. Утила), и убедительно, на наш взгляд, доказывает, что удмуртское деканье — явление сравнительно позднее (VIII—X вв.) и могло появиться лишь в результате контактирования носителей этого языка с тюркскими народами; в других удмуртских диалектах на основной территории расселения удмуртов деканье отсутствует.

Интерес представляет также описание системы аффрикат кукморского диалекта. Из четырех общепермских аффрикат $\check{z}$, $\check{c}$, $\check{z}$, $\check{c}$ кукморский диалект в общем сохранил лишь $\check{z}$ и $\check{c}$. В диалекте две различные фонемы $\check{z}$ и d' слились в одном звуке *d*. Специфично для кукморского диалекта диссимилятивное изменение $\check{z} > d'$ или $\check{z}, \check{c} > t$ или $\check{c}$ в позиции перед *-Vž-* или *-Vš-*. Процессы звуковых изменений автор диссертации показывает в таблицах, основанных на экспериментальных данных.

В. К. Кельмаков внес ясность в изучение истории удмуртской фонемы *η*. На почве пермских языков древнефинно-угорская фонема *η* была вытеснена другими носовыми согласными *n*, *ñ* или *m*. Диссертант рассматривает условия и причины возникновения и сохранения *η* в широком сопоставительном плане с привлечением данных родственных и неродственных (тюркских) языков. В различных удмуртских диалектах было известно не

более 30 слов с согласным *η*; в кукморском диалекте автор выявил его в 80 корневых словах. Сохранению древнего *η* в диалекте способствовали изолированное развитие его и внешняя поддержка — сильное влияние татарского языка, из которого диалект заимствовал великое множество слов с *η*.

В. К. Кельмаков дал подробное описание морфологической структуры рассматриваемого им диалекта. Он выяснил основные функции падежей, попытался по своему объяснить разнообразные категории глагола. Диссертант нередко вносит поправки и дополнения в существующую грамматику современного удмуртского языка. Так, замечание о том, что на вопрос «кто?» (в отличие от русского языка) в удмуртском, как и во многих других финно-угорских языках, преимущественно отвечают существительные, обозначающие только людей (стр. 255). Слова на *-(e)miš, -mteiš*, употребительные в диалектах и в литературном языке, в современных грамматиках относятся к косвенным формам падежей. В. К. Кельмаков предлагает рассматривать их в системе деепричастий (стр. 417—418). Привлекает к себе внимание то, что в трех словах кукморского диалекта отмечается превращение формообразовательного притяжательного суффикса 3-го лица при единичном обладаемом и множестве обладателей *-zə* в словообразовательный: *anajzə* 'свекровь', *atajzə* 'свекор', *agajzə* 'деверь' (стр. 267). Этот известный удмуртский факт представляет особый интерес в плане изучения табуированных слов и слов, обозначающих родственные отношения. Замечание автора о том, что данные словоформы в кукморском диалекте способны принимать дополнительные притяжательные суффиксы, как и все существительные, совершенно ново для удмуртской лингвистики.

В парадигме склонения характерно отсутствие в кукморском диалекте формы соответственного падежа на *-ja* и наличие специфичной формы аблатива на *-liš*, сохраняющейся от древнепермского периода. Вопреки утверждению некоторых удмуртоведов В. К. Кельмаков совершенно верно подметил, что в удмуртском языке пролатив не имеет разновидностей, как в коми языке (см. стр. 271 и далее).

Отмечены характерные явления системы словообразования кукморского диалекта: наличие особого субстантивирующего суффикса *-šor*, присоединяемого к отглагольным существительным на *-em (-m)* и *-en (-n)*, который не известен в других удмуртских диалектах, типа *turna-m-šor* 'то, что (сколько) накошено', *ul-em-šor* 'то, что (сколько) прожито', *ul-on-šor* 'жизнь, нить жизни, жизненная колея' и т. д. (стр. 281—283). Весьма продуктивны словообразовательные суффиксы существительных кукморского диалекта *-loḱ* и *-čī*, которые есть и в южноудмуртских говорах, а также частично проникли в удмуртский литературный язык. Из суффиксов субъективной оценки отмечается *-ok*, широко распространенный в диалекте. Вопреки утверждению отдельных исследователей (К. Медвецкий, А. И. Емельянова и др.) о финно-угорском происхождении южноудмуртского суффикса *-kaĵ* (*ka + j*) с ласкательным значением В. К. Кельмаков правильно считает, что этот суффикс усвоен удмуртами из татарского языка, где он довольно продуктивен. Суффикс неясного происхождения *-žem*, придающий собственному имени пренебрежительный оттенок (ср. *kolažem* 'Коля', *zinažem* 'Зина' и т. п.), диссертантом отмечен впервые и, по-видимому, известен лишь в говорах жителей Кукморского района Татарии.

Своеобразны формы прилагательных кукморского диалекта. С помощью собственных только этому диалекту слов образуются аналитические формы сравнительной степени прилагательных (стр. 306).³

В разделе числительных интересно описание своеобразной конструкции, употребляемой при обозначении точных дат: *martlen das vitez* 'пятнадцатое марта (букв.: марта пятнадцатого)'.³

В. К. Кельмаковым зафиксирована особая форма вопросительно-относительного местоимения *maṅke* 'что'. С элементом *-ŋ* данное местоимение не употребляется ни в других удмуртских диалектах, ни в

литературном языке. Автор пытается объяснить наличие *ŋ* в этом слове, допуская два предположения: или *ŋ* появился по аналогии с местоимением *kiŋke* (*ŋ < ŋ*) 'кто-то', или он представляет собой уральский местоименный суффикс *ŋ (стр. 348—349). Дальнейшие конкретные исследования должны пролить свет на этот вопрос.

Глаголу диссертант отвел значительное место в своем труде. Он дает оригинальное объяснение разнообразным его категориям. В. К. Кельмаков подробно рассмотрел разряд спаренных глаголов в удмуртском языке, до сих пор никем не исследованных. Удмуртские образования аналогично татарским распространены в тех диалектах, которые издавна соприкасаются с тюркскими языками, в частности с татарским, и, безусловно, они появились под влиянием этого языка. Основная функция, объединяющая почти все спаренные глаголы, как отмечает В. К. Кельмаков, ссылаясь на работу М. П. Чхаидзе, — это выражение и уточнение способа протекания действия в пространстве и времени и положение субъекта и объекта речи при этом действии (стр. 362). Основное содержание действия в удмуртском языке выражается неизменяемым деепричастием на *-sa*, а дополнительные оттенки — при помощи специальных изменяемых глаголов — модификаторов, занимающих, как правило, постпозитивное положение по отношению к конструкции, например: *ullasa ležiz* 'прогнал (букв.: прогоняя пустил)', *bižosa koškiz* 'убежал (букв.: побегав ушел)' и др. (стр. 363). В кукморском диалекте В. К. Кельмаков выявил 37 таких модификаторов. Этот раздел работы представляет собой самостоятельное исследование. В диссертации шире и подробнее, чем в существующих грамматиках и исследованиях, разработана категория притворности в удмуртском языке. В кукморском диалекте глаголы притворного действия образуются а) при помощи суффикса *-mñášk-* в м. лит. *mjašk-* (*ižemñáškəno* в м. лит. *иземьяськыны* 'притвориться спящим'), б) при помощи вспомогательного глагола *lüəno* 'быть' в сочетании с причастной формой на *-m* (*ve'lem lüəno* 'делать вид, что ходишь'), в) сочетанием датива отглаголь-

³ В. К. Кельмаков, Некоторые особенности словообразования имен прилагательных в кукморском диалекте удмуртского языка. — СФУ V 1969, стр. 133—140.

ного существительного на *-(j)em* с глаголами *aŋalškəŋə, saləŋəŋə* 'притвориться, притворяться' (*kulemlə aŋalškəŋə* 'притвориться мертвым' и т. п.).

В кукморском диалекте В. К. Кельмаков отмечает ряд специфических послелогов и особые значения некоторых общеудмуртских послелогов. Категории наречий, частиц, модальных слов здесь характеризуются наличием специфических лексем, словосочетаний и фразеологизмов. Специфические диалектные слова кукморского диалекта, представленные в конце монографии, сопровождаются объяснением их происхождения. Элементы этимологических изысканий автора убедительны.

Следует отметить, что тонкая наблюдательность и добросовестное отношение к делу позволили В. К. Кельмакову обнаружить и такие моменты в языке кукморских удмуртов, которые до настоящего времени находились вне поля зрения исследователей. Некоторые из них встречаются также в других удмуртских диалектах. Например, словообразование на *-make*: *českət make* 'нечто сладкое, сладость', *šekət make* 'тяжесть, нечто тяжелое, тяжелый предмет и т. п.>'; *ńerge*: *korka ńerge* 'избенка' (*korka* 'изба, дом'), *val ńerge* 'лошаденка' (*val* 'лошадь'). Тенденция превращения слов *make* 'предмет, нечто, что-то', *ńerge* 'обычай, обряд; форма, подобие' в суффикс наблюдается и в других диалектах, например, приитинском.

Форма на *-sa* в удмуртском языке — наиболее онаречившееся деепричастие: оно не может присоединять лично-притяжательных суффиксов. Диссертант заметил, что в отдельных случаях эта форма в кукморском диалекте может принимать окончание аблатива *-liš*: *šutem pogərasališ gənek* 'чтобы не свалиться (упасть) с голоду (букв.: лишь отпадая с голоду)'.
 Отрицательная форма глаголов иногда образуется путем двукратного повторения частицы *na* как после отрицательного глагола, так и после основного глагола: *ug na- uža na* 'я не работал', *um na- uža na* 'мы не работали' и т. д. Автор удмуртской элементарной грамматики И. В. Яковлев, приводивший аналогичные формы (на что ссылается и диссертант), опирался на ему родной южноудмуртский диалект и полагал, что подобная форма

употребительна и в других местностях. Однако составители учебников не включили это языковое явление в грамматики. В. К. Кельмаков детально описал необычные отрицательные формы удмуртских глаголов. Аналогичные формы известны в причепецких говорах и в некоторых говорах шарканско-якшур-бодьинского куста. Подобные примеры новшеств, впервые вводимые В. К. Кельмаковым в научный оборот, не единичны.

Сомнение вызывают приводимые диссертантом сложные формы глаголов прошедшего времени. Следуя за классификацией Б. А. Серебrenникова, В. К. Кельмаков в удмуртском языке, в частности в кукморском диалекте, различает шесть глагольных форм прошедшего времени: прошедшее простое первое, простое прошедшее второе (что дается и в современных грамматиках), плюсквамперфект I, плюсквамперфект II, прошедшее многократное и прошедшее длительное (стр. 381—393). Последние четыре формы образуются аналитическим способом: форма простого прошедшего времени плюс неизменяемая частица *val* 'было, был': *užamed val* В. К. Кельмаков переводит 'ты работал раньше'. Это выражение удмуртов можно было бы перевести также 'ты работал было'. Формы глаголов будущего, настоящего, прошедшего очевидного и прошедшего неочевидного времен в удмуртском языке употребительны в сочетании с застывшими формами глаголов *val* и *vəlem*. Последние представляют собой супплетивные формы от *luəŋə* 'быть' (*val* 'был, было', *vəlem* 'был (было), оказывается') и могут присоединяться ко всем глагольным формам как единственного, так и множественного числа; потенциально возможны различные комбинации с ними. Если все эти сочетания принять за особые глагольные формы, то в удмуртском языке, как впрочем, и в коми, можно насчитать до шестнадцати форм глаголов прошедшего времени. По сути дела, все эти сочетания означают то, что на русском языке передается сочетанием основного глагола плюс глагол *было* (*бывало*), например, *сижу было* и т. д. Излишнее и подробное описание фонетических и грамматических категорий, которые не составляют специфическую особенность диалекта.

Как уже отмечено, диалектный материал В. К. Кельмаков анализировал в диахроническом аспекте. Многие явления удмуртского языка интерпретированы по-новому. Выводы автора в абсолютном большинстве случаев аргументированы и убедительны. Обследование периферийных говоров может быть плодотворно только в свете данных этнической истории. В такой плоскости и построена рецензируемая диссертация.

В науке до сих пор не было определенного мнения о том, удмурты правобережья р. Вятки представляют собой автохтонное население этих краев или являются переселенцами из-за р. Вятки. В результате изучения истории и языка кукморских удмуртов В. К. Кельмаков пришел к убеждению, что в формировании кукморских удмуртов участвовали как чепецкие, так и летописные *ары*, которые уже в середине XII в. были известны в качестве северных соседей волжских булгар. Основное удмуртское население правобережья р. Вятки и района Пьяный Бор — Елабуга в X—XII вв. было вынуждено отступить под натиском булгар в более северные лесные районы, а часть осталась. Позднее удмурты правобережья р. Вятки оказались в составе Казанского ханства. С середины XVI в. с падением татаро-монгольского ига юго-западные удмурты были присоединены к русскому государству. По данным актов и грамот XVII в. население Вятского правобережья в тот период составляли марийцы, чуваша, удмурты и татары. Впоследствии большая часть марийцев, чувашей и удмуртов отатарилась. Процесс ассимиляции удмуртов татарами шел довольно интенсивно еще в XIX и начале XX вв. и был

связан с принятием удмуртами-язычникама магометанства. Татары оказали большое влияние на культуру, быт и язык и той части удмуртов, которая не приняла ислам (стр. 17 и далее). Основываясь на данных казанского диалекта, еще Б. Мункачи отметил, что из финно-угорских языков удмуртский испытал наиболее сильное тюркское влияние. Ощущается влияние тюркских языков (в частности татарского) на юго-западные диалекты удмуртского языка не только в области лексики, но и в области фонетики и морфологии. Многие факты тюркизмов блестяще описаны В. К. Кельмаковым. По мнению рецензента, И. С. Галкин прав в том, что ряд древних явлений кукморского диалекта возник под влиянием языка волжских булгар, подобного первоначальной основе-бесермянского диалекта. Данные языка бесермян показывают, что многие явления кукморского диалекта созвучны с бесермянскими.

Удмуртские говоры на северо-востоке Татарской АССР с древних времен развивались и развиваются в настоящее время изолированно от других говоров и диалектов удмуртского языка, поэтому в них сохранилось много древнеудмуртских черт и вместе с тем выработались специфические особенности независимо и без влияния других диалектов, что представляет большой интерес как для исследователей истории пермских языков, так и для финно-угроведения в целом. Прекрасно выполненная работа В. К. Кельмакова может служить образцом для исследователей диалектов.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

A DOCUMENTARY FILM ABOUT THE ETHNIC HISTORY, FOLKLORE AND CUSTOMS OF THE FENNO-UGRIC PEOPLES

At the Third International Congress of Fenno-Ugrists in Tallinn in August 1970, the Studio "Tallinnfilm" showed the first completed parts of a colour documentary film produced as an investigation into the ethnic history of the peoples whose tongue belongs to the Fenno-Ugric family of languages. The film excerpts lead the spectator to the very source of these

languages, the supposed original abode of the Fenno-Ugrians on the upper reaches of the Yenisei, retracing their ancient migration routes to the shores of the Baltic Sea. A skilfully directed camera eye and a tape-recorder have succeeded in catching many fascinating and unique aspects of the material culture, folklore and customs of the Fenno-Ugric and Samoyedic peoples